

▶ ПАМЯТЬ | Вот уже десять лет, как нет с нами Юрия Костарева

Сердце, обожженное поэзией

СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ

В июне 1970 года, отслужив в армии, я пришел работать в заводскую многотиражку «Магнитогорский металл». Редактором тогда был Юрий Левицкий, а Юрий Костарев – ответственным секретарем. В белой рубашке, свежесбранный, интеллигентный, педантичный – таким запомнился мне Костарев. Я обязан ему многим. Но прежде всего любовью к книгам, которой он меня заразил на всю жизнь. Это Юра открыл мне Шукшина, Белова, Сельвинского, Кирсанова, Глазкова.

В феврале 1973 года по «партийному призыву» я уехал в Узбекистан осваивать «газетную целину». В молодом прекрасном городе Навои открылась русскоязычная городская газета, делать которую стали магнитогорские журналисты. Вскоре в Узбекистан, в соседнюю Бухару, приехал и Юра. Помню, как целую неделю он гостевал у меня. К тому времени я уже собрал неплохую библиотеку. Юра попросил поставить раскладушку рядом с книгами, засыпал он с ними только под утро.

Потом наши пути-дороги разошлись. Почти на четверть века. Я снова вернулся в родной Магнитогорск. С Костаревым виделся очень редко. Жил он уединенно, все больше уходил в себя. Став главным редактором «Магнитогорского металла», я пригласил его поработать в газете литературным редактором. Он ответил: «Подумаю». А через день передал свои предложения-размышления по этому поводу. Цитирую часть из них: «Рухмалеву. Если я нужен, то, по возможности, в мои дела не лезть. Я профессионал такого класса, что не потерплю ничего (и твоего тоже) вмешательства. Если нужен – то нужен, но я – никогда не дублер,

не тень. Конечно, это касается только грамотности, стилистики, а политика, экономика – дела моих бессонниц и моих невидимых миру слез. Это уже предмет для разговора за рюмкой чая. Боюсь, придется возвращаться к русскому языку Котлухужина, Павлова, Рухмалева. Вам это что – за счастье покажется? Беда в том, что вы мне дороги...»

В этих словах характер Костарева. Гордый. Вспыльчивый. Ранимый. Отходчивый. Добрый. Преданный родниковому слову.

– Ребята, что вы делаете с русским языком?! – возмутился он, разложив передо мной десяток номеров нашей газеты. Все они были испещрены его замечаниями.

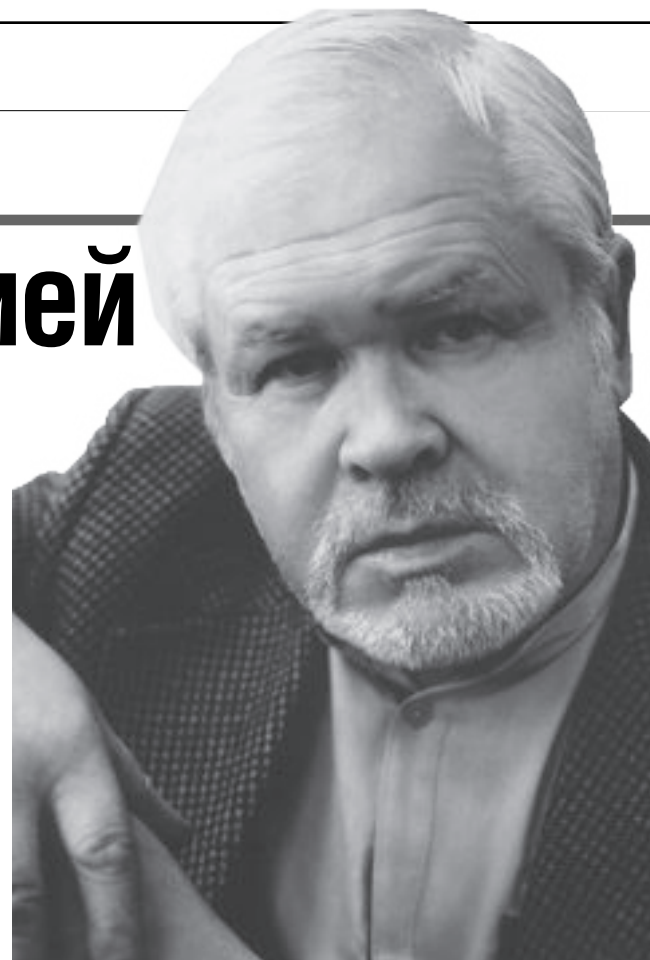
Юра стал руководить литературным объединением при «Магнитогорском металле».

– Старик, только не плати мне за это никаких денег, – просил он. – Лучшей наградой будет издание книги моих избранных стихов. Поможешь издать, буду обязан тебе до крышки гроба...

Уже после смерти Юры, разбирая его рукописи, я обнаружил письмо замечательного земляка Николая Воронова, присланное Костареву из подмосковного Переделкина. Письмо датировано 26 мая 2000 года. Не могу не процитировать начало этого письма: «Дорогой Юрий! Сейчас говорил с вашей сестрой Е. Козыревой. Порадовался за ваши стихи, опубликованные в «Магнитогорском металле». И вместе с нею погорчался тому, что вы не получили моих писем и открыток, где я всегда писал о ваших стихах, полных зрелости, тайны, мудрости, печали...»

Четыре стихотворения в «ММ» полны обширных достоинств, выросших, вулканически вырвавшихся из вашей судьбы. Те поэты сильнее всего западают в нашу память, кто с безудержной искренностью умеет сказать правду о себе, чаще всего – душераздирающую. Вершинен в этом смысле в XX веке Сергей Есенин. Вам удалось в стихотворении

Он был гордым, вспыльчивым, ранимым, отходчивым, преданным родному слову

«Без прятков» так открывательски молвить о себе, как раньше никто не молвил: «Я счастлив без денег и тряпок: / Мне лишь бы – на сердце покой, / Да чтоб обойтись мне без прятков / Меж прежним и нынешним мной».

Юра писал сердцем. Его инфаркты – искры поэтического замыкания. Он разрывал свою душу словом. Сердце не выдержало таких надрывов. Поэты умирают преждевременно, но не умирают их стихи. Имя Юрия Костарева, его сокровенная поэзия останутся в наших сердцах. Сегодня мы публикуем подборку его лучших творений ☺

▶ ОТКРОВЕНИЯ | Лишь Урал утолит мне жажду, лишь в Магнитке согреюсь я

Превыше всех иных даров

ЮРИЙ КОСТАРЕВ

Дядькины уроки

Он говорил мне, парясь в бане,
Отменно мудр, маненько пьян:
«Чему не выучился Ваня,
Того не превзойдет Иван».

В шоне хороши березки
На добрый веник,
А поздней
Они сеодятся лишь на розги
Для непослушных сыновей».

С тех пор береза облетала
Уж не один десяток раз.
Меня жизнь парила и мяла,
Дала науки про запас.

Мне, клеванному много в темя,
Достало мудрости понять:
Чему не выучило время,
То и не следовало знать.

***

Моя не знавшая покоя мама
Владела верным средством от тоски.
И если дождик тосковал за рамой,
Она садилась нам вязать носки.

Моя не слишком грамотная мама
Значенья слова «стресс» или «хандра»
Не то чтобы совсем не понимала,
А просто их к себе не применяла –
Как не хотят не своего добра.

Когда октябрь
Шлёт с неба телеграммы
Морзянкой дождика
И вязнет шум в ушах,
Я чую шорох спиц в руках у мамы –
И оживает стылая душа.

Я маминной души дыханье слышу –
И разорвав объятия тоски,
Мне добрый сон
Теплом в затылок дышит!..
И вязет мама ангелам носки.

Такие игры...

Так сладостно бывает в девять лет
На целый день укрыться от домашних,
От наставлений надоедно-зрящих –
И через них презреть весь белый свет,
И мстить им невниманием высоким –
И упиваться горем одиноком.

Так упоительно бывает в тридцать пять
В угаре счастья, в двух шагах от славы
Поддаться зову мстительной забавы:
Уйти в себя, в провалы сердца, вспять,
И, тешась, что любой побег – до срока,
В молчанье затаиться одиноко.

Но как обвал настигнет – пятьдесят!
И мучает невмочь похмелье счастья –
А с новою надеждой грех встречается.
А юноши к обочине теснят...
И оборачиваются
Пророчеством
Кошунственные игры с одиночеством.

Уменьше слушать

Превыше всех иных даров –
Уменьше слушать,
Когда под градом чуждых слов
Немеют души,
Когда готов убить уже
Того, кто против,
Когда невозмугу душе
Сама и плоть их,
И каждый над собой вознес
Раздора знамя...
Но вовремя простер Христос
Ладонь над нами.

Травинкой малой

Чем заняты поэты? – варят суп,
Детей качают меж худых коленей,
Да изредка плоды своих сомнений
На суд небрежный ближнему несут.

Чем жив поэт? – святою простотой
У сердца набаюканного слова –
И отданного немощным и вдовам,
Созбненным непосильной маятой.

Чем удержать поэта на плаву?
Надеждою, что он нужнее многих
Для сирых, неприютных и убогих,
С дороги сбитых в жухлую траву.

И он травинкой малой, но живой –
Зеленой, улыбающейся робко, –
Не даст им утонуть в обиде топкой,
В тоске души – последней, ножевой.

И может, встанет все же человек,
И отряхнув саднящие колени,
Вдруг улыбнется, слыша птичье пенье –
И снова он решится на разбег.

Весть

Правды! – словно бы чистой водицы –
Правды хочется вольно глотнуть!
Для себя одного – как вот птичке
Выбрать хочется вольно свой путь.

Только кто-то мне весть посылает:
– Ты живи, как уж сложатся дни.
А счастливые правды не знают –
Потому и счастливы они.

Лети, воробушек!

Ну что, воробушек – перемоглись,
Перетерпели, перезимовали:
Ты – в «люксе» на уютном сеновале,
Я – в общих номерах отеля «Жизнь»?

Теперь-то нам вольготнее уже
Петь песни, омывая в небе крылья:
До осени дышать не будем пылью –
Какой простор измаянной душе!

Она, домой влекущаяся – к небу,
Но телом пригнетенная к земле,
Стремится с паром тающего снега
Взлететь – и рязть, ангелам вослед.

И с горней вышны прозреть траву
Сквозь этот снег и завтрашнюю слякоть,
Упасть – и у груди земли исплакать
Наполнившую сердце синеву.

Лети один, воробушек, друг мой:
Мое – с душою свыкшееся – тело
Хотя дуэтом с нею и запело,
Все ж не лишилось тягести земной.

Вот так и станем мы ступать след в след:
Вместилице святой любви и гнева –
Душа, принадлежащая земле,
И тело, возделующее неба.

На том берегу

Весь осыпанный солнечной пылью,
По колено в веселом снегу,
Наколдован далекою былью,
Дом сияет на том берегу.

Все – на том берегу, а на этом –
Лишь поземка по голой земле
С пригнетенным к дороге поэтом,
Лишь собаки поют на селе.

И закат дышит в спину рассвету,
Лишь вздохнуть успеваешь слегка, –
И отраднее воздуха нету,
Чем родной, а не издали.

Как умею, как нынче по силам,
Как получится, как уж смогу,
Все тянусь я к сугробам веселым –
Недоступным – на том берегу.

Еще минуточку...

Не денег жаль, не жаль здоровья,
А счастья жаль, что подошло
И, подышав у изголовья,
Вздохнуло горько и незло –
И отошло навек к другому,
Достойней посчитав его...
А я машу рукой Харону:
«Еще минуточку всего!»
И жен прекрасных вспоминаю,
И недолюбленных друзей.

А с кем похмелье жизни всей
Справлять за Летой, и не знаю.

Я шел к тебе

Стареть бы надо с кем-то,
А не из-за кого-то –
С кем ни словца не спето,
Но лишь в душе ломота.

Стареть, оно не страшно,
Когда седеешь вместе.
Вверх себя отважно...
Да, видно, много чести ☺

▶ Поэты умирают преждевременно, но не умирают их стихи